

Б О Р И С
АКУНИН

Ф.М.

Издательство АСТ
Москва

9. ФАРШИРОВАТЕЛЬ МОЗГОВ

Человек, пристегнутый к креслу, расхохотался.

— Ай да коллекционер! Не пятьдесят тысяч, а пять. И не фунтов, а рублей. Еще сорок пять обещал, когда получит остальное. Лопух я был. Потом поумнел, а все равно дураком остался. Какая к черту разница — рубли, фунты, пять тысяч, пять миллионов. Мне бы бабу помягче, да ***** послаще, — с чувством высказал свое нынешнее кредо Филипп Борисович.

Физическое состояние больного сегодня было явно лучше. Недаром главврач распорядился переместить его из лежачего положения в сидячее. Эту опасную операцию произвели четыре охранника под личным присмотром Марка Донатовича. Намордник сняли, лишь когда Морозов был накрепко прикован к специальному креслу для буйнопомешанных.

Перед тем как оставить посетителей наедине с пациентом, доктор шепнул:

— Колем препараты, каждые два часа вводим через капельницу реабилитирующий раствор... Пока — увы. Но ничего, количество рано или поздно перейдет в качество.

Насчет «увы» было ясно и без Зиц-Коровина. При виде Николаса и Саши маньяк так гаденько захихикал, что надежда, теплившаяся у Фандорина, сразу растаяла. Предстояла новая пытка. Вероятно, еще более мучительная, чем вчера.

— Вы в прошлый раз нас обманули. Не сказали, что рукопись поделена на три фрагмента, — обреченно начал Ника.

Морозов подмигнул:

— Да, батенька. Придется вам еще потрудиться. Я вас прямо заждался. Уже придумал, что вы мне сегодня расскажете. Человек вы женатый, вон колечко у вас. Расскажите-ка мне, как вы с женой в первый раз *****. Порельефней, похудожественней, и главное, физиологию обрисуйте. Чтоб во всей наглядности.

— Ну уж этого... — Фандорин побагровел, обшарив взглядом углы палаты — где тут спрятан микрофон? — Не дождетесь!

На свете нет такого гонорара, ради которого он бы на такое пошел!

Подлый доктор филологии словно подслушал его мысли.

— Не ради рукописи. Ради Сашеньки, — проникновенно сказал он. — Вон у нее, ангела нашего, уж и слезки на глазах. Будто жемчужинки.

Тогда в голову магистру пришла спасительная идея. Ты всегда гордился своей фантазией. Выдумай что-нибудь. Не про Алтын, а про какую-нибудь пышнотелую блондинку. Саша опять слушать не станет, заткнет уши. А на депутата с его воцерковленным охранником наплевать.

— Только не вздумайте мне врать, — предупредил Филипп Борисович. — Почувствую. Фотокарточка жены с собой? У такого, как вы, обязательно должна быть. Положите на тумбочку, чтоб я видел. Рассказывайте, рассказывайте быстрее! То есть быстрее начинайте, а рассказывайте-то не быстро!

Фотография Алтын у Николаса с собой действительно была, но доставать ее он не стал. Понял, что этого не сможет. Ни ради Саши, ни ради спасения человечества.

— Папа, не мучай Николая Александровича, — раздался сзади голос Саши. — Он в прошлый раз рассказывал. Теперь моя очередь.

Девочка была бледна, но казалась совершенно спокойной.

— Про девичьи грезы и шаловливые ручки? — оживился больной. — Давай!

— Не про ручки. Я давно не девушка, ты ошибся. Могу рассказать, как это случилось.

Лицо ее было совершенно бесстрастно. Голос тихий, вялый.

Морозов аж заизвивался в своих ремнях.

— Когда ж ты успела, тихоня? А я и прозевал, старый болван!

— Помнишь, в позапрошлом году Илюша на первое мая сильно заболел и дома совсем денег не было? Я еще на улице триста долларов нашла, и Антонина Васильевна в церковь ходила — Бога благодарить, свечку ставить? Обманула я вас тогда. Я в газете рекламу нашла. Фирма «Первая любовь». «Неопытные девушки для солидных господ. Дорого». Сходила и заработала.

У Ники перехватило дыхание — прежде всего от этого невыносимо спокойного голоса. А папочке хоть бы что.

— Умница! Золотое сердечко! — завопил он. — Обожаю про дефлорацию! Честную оплату гарантирую! Я же вчера вас не надул? Не надую и сегодня. Только поподробней, люлечка, ничего не упусти!

— Хорошо. — Саша прищурилась, как бы вспоминая. — Я с самого начала, по порядку.

Фандорин сделал порывистое движение, но девочка едва заметно качнула головой: не мешайте.

Он отошел, безвольно опустил на стул. А Саша Морозова приступила к рассказу.

Про дефлорацию

Сначала я позвонила. По объявлению. Говорю, это фирма «Первая любовь»? Вам девственницы нужны? Меня спрашивают, вы точно девственница? Я говорю, да. Вы не думайте, говорят, у нас свой гинеколог, проверим. Я говорю, хорошо. Ну приезжайте, говорят. Адрес дали, какой-то переулок около площади Маяковского. Точно не помню, все-таки два года прошло. Я приехала. Врач меня посмотрел. Говорит, всё в порядке. Тогда меня женщина, которая у них менеджер, спрашивает: а тебе сколько лет? Я говорю, шестнадцать — мне тогда шестнадцать было. Она говорит: а выглядишь на тринадцать, может тебя по программе «Лолита» запустить. Работы столько же, а такса пятьсот. Я говорю, хорошо, запускайте. Она говорит: повернись-ка. Стала меня вертеть, щупать. Нет, говорит, по «Лолите» не получится, поздновато уже. Пойдешь по

стандартной, за триста. Иди домой, говорит, я тебе позвоню. И в тот же вечер позвонила. Я Антонине Васильевне сказала, что к Ленке ночевать пойду. Она говорит, иди куда хочешь. Ей не до меня было, потому что у Илюши температура сорок. А тебя не было, в Петербург уехал. Я приехала туда, на фирму. Это обычная квартира такая, только большая. Женщина, которая менеджер, говорит: надень вот это. Там что было? Гольфы белые, юбка короткая в клеточку, майка с Микки-Маусом. Ах да, еще лента. Она мне две косички заплела. Менеджер говорит: иди по коридору, вторая комната направо. Там клиент ждет. Делай, что скажет, потом придешь сюда, получишь деньги. Я пошла по коридору. Постучала в дверь, там мужской голос, хриплый такой, спрашивает: «Это кто ко мне пришел?»

— Скучно, скучно рассказываешь! Психологию давай! — всосав слюну, влез Морозов. — Сердечко сжималось? Внизу живота подъеживало?

Ника вспомнил, как Саша вчера не стала слушать его эскзгибиционистскую историю. А он-то что же — сидит, уши развесил.

— Сердце да, сжималось, — подумав, старательно ответила Саша. — А про живот ничего такого не помню. Это уже потом болело, когда...

Здесь Николас опомнился, с силой хлопнул себя ладонями по ушам и продолжения душераздирающего рассказа не слышал.

Сумасшедший еще что-то выспрашивал, Саша добросовестно отвечала. Лицо у нее было, как у прилежной, но туповатой ученицы на экзамене.

Она просто делает, что должна, и ей нисколько не стыдно, дошло до Николаса. Какая девушка! Насколько все-таки женщины лучше нас, мужчин. Мы заботимся только об одном — как бы себя не уронить, а они в критическую минуту о себе вообще не думают.

Наконец, Саша замолчала.

Мерзкий старик мечтательно пялился в потолок, с подбородка свисала нитка слюны.

Кажется, можно было убрать ладони.

— Расчувствовала ты меня, дочь моя. Не столько физиологическими описаниями, к которым у тебя нет никакого таланта, сколько благородством. Смотрел на тебя и восхищался, — торжественно произнес Морозов, но не удержался на высокой ноте. — А смешно он, стервец, с «чебурашкой» придумал! Ну-ка расскажи еще разок. Значит, он тебе говорит...

Ника поскорей опять заткнул уши. И сидел так до тех пор, пока Саша не подала ему знак: пора, началось!

— ...в благодарность за увлекательный рассказ, а также в развитие темы прочту небольшую лекцию, — услышал Фандорин. — «Эротизм в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского».

— Как лекцию? Какую еще лекцию?! — крикнул он. — Вы же обещали!

Филипп Борисович взглянул на Николаса с видом оскорбленного достоинства.

— Я, молодой человек, не с вами разговариваю, а со своей дочерью. Она у меня сегодня героиня, горжусь ею. Так что, Санечка, будешь слушать лекцию?

— Буду, папа, буду.

Саша многозначительно посмотрела на Фандорина, и тот молча включил одолженный у Вали диктофон.

**Эротизм в жизни и творчестве
Ф.М. Достоевского
(Лекция д-ра фил. наук Ф.Б. Морозова)**

Как большинство эпилептиков, Федор Михайлович обладал повышенной половой возбудимостью. Друг и биограф классика Николай Николаевич Страхов в письме Льву Толстому от 28 ноября 1883 года пишет: «...При животном сладострастии у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести».

Эротические пристрастия Федора Михайловича хорошо изучены исследователями на материале художественных текстов и биографических сведений. Таковых пристрастий обнаружено пять.

Во-первых, садомазохистский комплекс.

Во-вторых, obsessionalная страсть к роковым женщинам вроде Настасьи Филипповны из романа «Идиот», Полины из романа «Игрок» или Грушеньки из романа «Братья Карамазовы», секс с которыми чреват всяческими проблемами и даже опасен для жизни.

В-третьих, явное влечение к женщинам прямо противоположного типа, легкомысленным развратницам, секс с которыми, наоборот, абсолютно безоблачен.

В-четвертых, довольно невинный фетишизм по части женских ножек.

И, наконец, в-пятых, куда более криминальный «Рорикон». Этот смешной термин я услышал на научной конференции в докладе одного японского исследователя. Японцы, которым не дается буква «л», так сокращенно называют «Лолита-комплекс», то есть патологический интерес к несозревшим особям женского пола, а проще говоря, к девочкам.

Набоков, который, как известно, терпеть не мог Федора Михайловича, просто-напросто по-писательски ревновал к автору, который раньше него разработал этот увлекательный мотив столь ярко и талантливо. Ведь после растлителя Свидригайлова и растлителя Ставрогина банальный анекдот о развратной акселератке из американского захолустья не может восприниматься иначе как сугубо вторичный продукт.

Теперь пройдемся по этому списку чуть подробнее.

На первом месте у нас что? Правильно, садомазохистский комплекс.

Во времена Федора Михайловича говаривали, что есть две категории женщин: петитные и аппетитные. Добавлю от себя, что существует и две категории мужчин. Первым подавай худеньких и маленьких самочек — это садисты. Вторым — крупных и пышных, это мазохисты. Речь необязательно идет о мучительстве. Есть и очень добрые, заботливые садисты. Их инстинкт подавления проявляется в отеческом отношении, опеке, защите, но в любом случае садисту необходимо властвовать. То же относится и к симпатичному мазохисту. Он не ползает на четвереньках и не просит, чтоб его били плеткой. Симпатичный мазохист — нежное, покладистое существо, которое очень боится обидеть партнера, а главное — нуждается в психологической подчиненности. Случай Федора Михайловича — смешение двух этих потребностей, что встречается не

столь уж редко. Наш гений на протяжении своей жизни побывал и мазохистом, и садистом. В общем, как сейчас выражаются твои сверстники, оттянулся по полной. Сладости мазохизма он познал с грудастой Аполлиinarieй Сусловой, которая помучила и поунижала его до полного удовлетворения. Сладости садизма вкусил с субливной и безответной Анной Сниткиной. Цитирую из писем светоча мысли, по памяти.

Филипп Борисович вытянул губы трубочкой и засксюскал противным голосом:

«Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал преступление, я всё проиграл, что ты мне прислала, всё, всё до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл!»

«Милый друг Анечка, я проиграл твои последние тридцать рублей и прошу тебя ещё раз спасти меня, в последний раз, — выслать мне ещё тридцать рублей...»

«Аня, милая, я хуже чем скот! Вчера к десяти часам вечера был в чистом выигрыше 1300 франков. Сегодня — ни копейки. Всё! Всё проиграл!»

«...Милый мой ангел Нютя, я всё проиграл, как приехал, в полчаса всё и проиграл. Ну что я скажу тебе теперь, моему ангелу Божьему, которого я так мучаю. Прости Аня, я тебе жизнь отравил!..»

В общем, гений сполна отыгрался на петитной Анечке за унижения, перенесенные от аппетитной Аполлиinarieй. Мучая вторую, мстил первой. Как сказано про это у чудеснейшего писателя Леопольда фон... черт, первую половину фамилии запомнил... ну в общем, Мазоха, того самого, в честь

которого назван мазохизм: «И я не раб больше, позволяющий вам попирать себя ногами и хлестать хлыстом». В смысле, сам теперь буду попирать и хлестать.

Обсессия номер два: роковая женщина, фам-фаталь. Это живое воплощение рулетки, главной страсти Федора Михайловича. Такая же непредсказуемая, алогичная, жестокая, но тоже способная на неслыханную щедрость. Беда в том, что щедрость и рулетки, и роковой женщины обычно достается мужчинам холодным и рассудочным, которые не теряют головы. А если не терять головы, то зачем тогда жить на свете — без страсти, без муки, без наслаждения?

Тут еще вот какая пикантность. Герой, являющийся alter ego Федора Михайловича, беззащитен перед чарами фам-фаталь, но неспособен удовлетворить ее как самку. Это непременно или тоскливый зануда (герой романа «Игрок»), или импотент (князь Мышкин), или монашек (Алеша Карамазов). Налицо комплекс сексуальной неполноценности автора, которым Федор Михайлович обязан реальной роковой женщиной — Аполлинии Суловой.

А на самом-то деле — и здесь мы переходим уже к пункту третьему — писателя всю жизнь томила мечта о легкой, безответственной интрижке с какой-нибудь веселой давалкой. Вроде той милой грешницы, которая говорит в «Братьях Карамазовых»: «Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» — «Это доставляет ему такое удовольствие, а мне так мало стоит». И мечта эта, кажется, в конце концов осуществилась. Помнишь, доченька, я тебе рассказывал про некую госпожу Браун, в судьбе которой Федор Михайлович принимал живейшее участие? Как ее звали-то, смешное такое имя, не припомню. Память стала ни к черту. Помнишь про мадам Браун?

Саша покачала головой, и Филипп Борисович сделал вид, что ужасно расстроился.

Ну как же! Авантюристка, бывшая проститутка. Пошлялась по белу свету, побывала замужем за английским матросом, откуда и экзотическая фамилия. Потом вернулась на родину, сошла с журналистом Горским. Он пил запоем, семья бедствовала, и Федор Михайлович оказал бедной женщине материальную поддержку. Я-то тебе рассказывал эту историю как пример душевного благородства нашего гения. Но, похоже, она перед ним в долгу не осталась. Браун эта была дамочка прямая, без предрассудков. Сохранилось ее письмецо, в котором она без экивоков извещает благодетеля о своей готовности на всё: «Удастся ли мне или нет отблагодарить вас в физическом отношении» — так и пишет. Уверен, что Федор Михайлович не оплошал. Он давно мечтал о чем-то вроде этого.

Взять хоть эротическую фантазию из романа «Игрок» про то, как учитель Алексей Борисович (автопортрет писателя) вдруг выигрывает кучу денег в казино и покупает на них красотку-француженку. Восхитительная сцена! Кокотка Бланш лежит в постели и высовывает ножку (про этот особенный пункт Федора Михайловича я уже говорил).

«— Ну же! Хочешь увидеть Париж? Скажи, наконец, что такое *outchitel*? Ты был очень глуп, когда ты был *outchitel*. Где же мои чулки? Обувай же меня, ну!» Она выставила действительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, не исковерканную, как все почти эти ножки, которые смотрятся такими миленькими в ботинках. Я засмеялся и начал натягивать на нее шелковый чулочек. *M-lle Blanche* между тем сидела на постели и тараторила...»